

Поле (разм. 249 x 169 см) и памятный четырехконечный крест 1532 г., работы Стефана Романовича с детьми. На первых трех Распятие поздне-византийского иконописного типа, а плоскость четвертого заполнена серией отдельно выполненных рельефных композиций страстного и праздничного циклов¹¹. Более ранний по времени Иисусов крест из Никольского погоста явно принадлежит к иной художественной традиции. Какой же именно?

Следует обратить внимание прежде всего на то, что высокий округлый рельеф распятия и довольно обобщенная трактовка форм тела действительно сближают его с романским изваянием¹². Однако отмеченные черты все же не служат основанием для безоговорочного включения креста из Никольского погоста в круг романских, при всем их разнообразии, а также при положении головы Христа, близком к иконографическому образу распятого Христа-триумфатора¹³. Известно, что на Западе в течение всего XI в. преобладали скульптурные изваяния распятого Христа небольших размеров, чеканные из серебра, литые из бронзы (реже — из серебра), резанные из дерева или слоновой кости. Монументальные романские распятия в технике резьбы по дереву на первых порах служат простым увеличением портативных. Они получают распространение в XII в., достигая порой огромных размеров, особенно после введения в убранство католического храма, в виде триумфального креста, подвешенного над алтарем, иногда в виде группы с предстоящими, и даже с херувимами¹⁴. Здесь стоит заметить, что в период появления Иисусова креста на Западе в пластическом искусстве господствовал позднеготический стиль с подчеркнутым натурализмом¹⁵. Здесь этого нет.

Резьбу Иисусова креста, между тем, характеризует одна иконографическая деталь, совершенно чуждая византийской иконографии: терновый венец на голове, известный на Западе с XII — XIII вв., а в русском искусстве встречающийся лишь с XVII в.¹⁶ Не к этому ли времени относится и изваяние креста из Никольского погоста? С этим нельзя согласиться уже по той причине, что сохранилось воспроизведение, выполненное в технике резьбы по камню на рубеже XV — XVI вв.: крест из Воскресенского собора в Романове-Борисоглебске (фрагмент), где Христос точно так же представлен с головой едва заметно склоненной к правому плечу, но без тернового венца¹⁷. Аналогичное изображение и на очень большом (разм. 297 x 192,5) деревянном резном кресте XVII в. в Палехе¹⁸. Есть еще одно воспроизведение Иисусова креста в деревянной пластике XVII в., причем с терновым венцом: врезанное в икону 1680-х гг. в уже упомянутом Воскресенском соборе Романова-Борисоглебска¹⁹. Как известно, в середине XVII в. в Московском Кремле и в Новом Иерусалиме появляются статуарные изваяния Распятия, теперь уже определенно ориентированные на имитацию западных образцов. С ними генетически связаны и многочисленные распятия, выполненные в технике деревянной полихромной скульптуры в течение конца XVII — начала XIX вв., в том числе и в регионе

Верхнего Поволжья.

Существовали ли в русском пластическом искусстве скульптурные распятия в эпоху, предшествующую появлению Иисусова креста, т.е. до середины XV в.? Исходя из известных на сегодняшний день памятников металлопластики, можно утверждать, что уже в XI в. в византийско-киевском литье представлена модель креста-энколпиона с рельефным распятием: редкость этого иконографического варианта в том, что руки распятого Христа почти прилегают к верхнему краю поперечной перекладины крестного дерева, фигура с незначительным изгибом торса, голова склонена к правому плечу, и распростертые руки Христа почти касаются голов предстоящих²⁰. В сущности, много общего с иконографической формулой изваяния Иисусова креста, и можно было бы высказать догадку о прямой связи, если бы существовали основания для того, с учетом ареала распространения продукции киевского художественного ремесла. В этом смысле, казалось бы, больше шансов для сближения с рельефным изображением меднолитого креста XIV в. преп. Авраамия Ростовского, служащего репликой галичского оригинала, выполненного около 1200 г.²¹ Однако при этом надо иметь в виду и существенную унификацию фигуры распятого Христа, прослеживаемую опять-таки в киевских крестах-энколпионах XII — XIII вв.

Начало XIII в. было ознаменовано появлением в металлопластике новых моделей рельефных крестов, выработанных при участии мастеров весьма элитарного уровня, явно связанных с Константинополем²². Распятия в них имеет несколько отличающихся друг от друга вариантов, хатие в них имеет несколько отличающихся друг от друга вариантов, характером рельефных изображений, различными рисунком и пропорциями икотный крест, лучший фа. Едва ли не самый изысканный по исполнению выносным или процессионным²³. Самый «романизированный» крест из Василёва, вероятно служивший выносным или процессионным²⁴. Однако, надо сказать, он очень отличается от тех подлинно романских бронзовых фигурок распятого Христа, которые изредка находили на территории средневековой Руси²⁵.

Изображения Распятия в раннемосковской металлопластике не дают в плане иконографии почти ничего принципиально нового, но в ряде случаев можно заметить изображения распятого Христа с обвисшим телом, как, например, на ковчеге-мошевице 1414 г. суздальско-нижегородского князя Ивана Даниловича²⁶. Трудно сказать, откуда проникали подобные прозападные иконографические мотивы и какова в этом была роль византийских мастеров, обслуживающих крестоносцев. Это был самый «лестный» путь, исключавший непосредственные заимствования от латынских мастеров, обслуживавших непосредственные заимствования от латынских мастеров.

Распятие Иисусова креста, казалось бы, более строгой иконографии. Но руки Христа очень заметно прогнуты в локтях, что свойственно сравнительно немногим русским изображениям, в частности на рельефных крестах-энколпионах. Вопрос о непосредственном образце, которым руко-

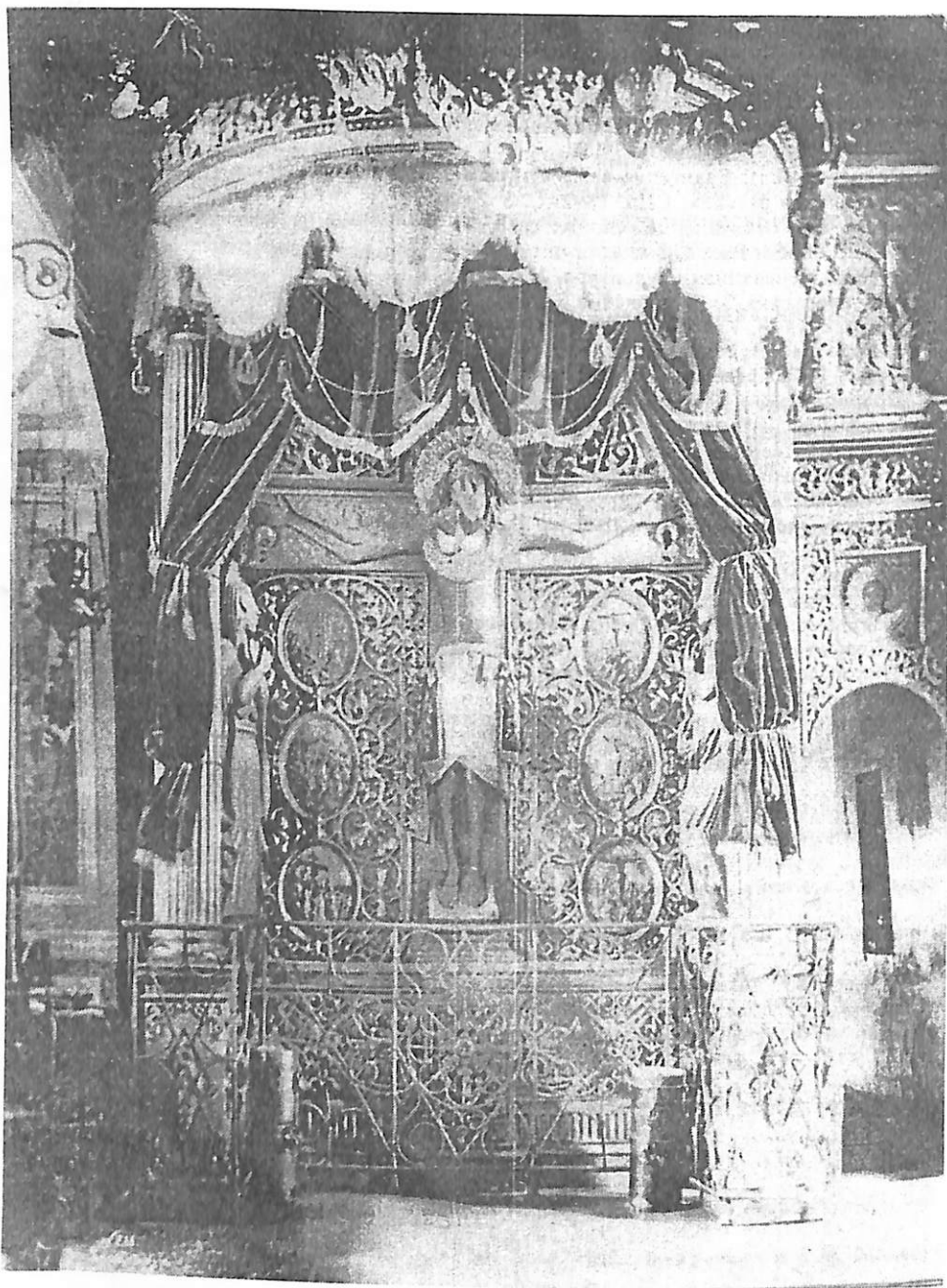
водствовался скульптор третьей четверти XV в., ставить бессмысленно, но типологическое сходство с ранними произведениями металлопластики приходится признать. Разумеется, в самом общем смысле, но не в деталях, особенно тех, которые, скорее всего, обязаны фольклорному осмыслению модели. Это относится, прежде всего, к типу лица. Конечно, невероятно, чтобы вдруг сама по себе возникла мысль дать многократно увеличенное изображение, представленное на небольшом металлическом кресте. На Западе в XI – XII вв. нечто подобное делалось в широком масштабе, в связи с изменением церковной функции креста.

Единственно, что можно смело утверждать, так это появление изваяния Иисусова креста под впечатлением виденного именно на Западе. Автора «Сказания о святых местах, о Константинограде», по-видимому, побывавшего там незадолго до захвата византийской столицы турками в 1453 г., очень поразило в католической церкви Св. Марии в Венецианском квартале именно изваяние Христа. Он пишет: «Туто распятие Христово в древе изваяно, гвоздием руки и ноги пригвозждены»²⁷. То же должны были увидеть в Италии и в тех странах, через которые пролегал туда их путь, русские спутники митрополита Исидора, в его поездке в 1437-1441 гг. на Ферраро-Флорентийский собор. Таким образом, таинственное явление в 1467 г. на Сухотском болоте оказалось материализованным в соответствии с определенной художественной традицией, отчасти опередившей свое время на Руси.

***

- 1 Шляпки И.А. Древние русские кресты: 1. Кресты новгородские до XV века, не подвижные и не церковной службы. СПб, 1906. С. 13. Табл. VII.
- 2 Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М.-Л., 1934. С. 381.
- 3 Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е 1-49. М., 1971. С. 30.
- 4 Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV – XV веков. М., 1980. С. 174, 177-180. Ил. 116.
- 5 Пуцко В.Г. Чудотворный Иисусов крест из Никольского погоста // Ставрографический сборник. Вып. II. М., 2002.
- 6 Сказание о явлении чеснаго и животворящаго креста Господня и великаго во святителех чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова креста и о благодатных знаменях и чудесных исцелениях от животворящаго креста Господня и святителя и чудотворца Николая. Изд. В.П. Ехлакова. Ярославль, 1882.
- 7 См.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб, 1877. Стб. 353.
- 8 Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 242.
- 9 ПСРЛ. Т. VIII. С. 117; Т. XXIV. С. 186.
- 10 Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 185, 297.
- 11 Русская деревянная скульптура. Альбом. Сост. Н.Н. Померанцев и С.И. Масленицын. М., 1994. Ил. 20-38.
- 12 См.: Christs romans. Les Christs en croix. Paris, 1963; Beenken H. Romanische Skulptur in Deutschland. Leipzig, 1924; Crichton G.H. Romanesque Sculpture in Italy. London, 1954; Blindheim M. Scandinavian Art and its Relations to European Art around 1200

- // The Year 1200: A Sumposium. New York, 1975. P. 429-467.
- 13 Gamulin G. Slikana raspela u Hrvatskoj. Zagreb, 1983. Sl. 1-4, 8. Kat I, V.
- 14 Haussner R. Triumphkreuzgruppen der Stauferzeit // Die Zeit der Staufer. Bd. V Suppl. Stuttgart, 1979. S. 131-160.
- 15 См.: Spätgotik am Oberhein. Meisterwerke der Plastik und des Kunsthandwerks. 1450-1530. Karlsruhe, 1970.
- 16 Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб, 1892. С. 357-358.
- 17 Пуцко В.Г. Белокаменные резные кресты XV – XVI вв. в Поволжье // СРМ. 2000-11. С. 71-74. Рис. 8.
- 18 Русская деревянная скульптура. Ил. 107-110.
- 19 Добровольская Э., Гнедовский Б. Ярославль. Туттаев. М., 1981. С. 291. Ил. 174.
- 20 Hlaváčková H. Kievan Enkolpia in Prague Collections // Byzantinoslavica. T. LIV. Prague, 1993. P. 310-313.
- 21 Пуцко В.Г. Крест преп. Авраамия Ростовского // ИКРЗ. 1994. С. 96-104.
- 22 Подробнее см.: Пуцко В.Г. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII – XIII вв. // Byzantinoslavica. T. LVII. Pragua, 1996. С. 376-390; Он же. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. T. LIX. Pragua, 1998. С. 305-319.
- 23 Пуцко В.Г. Бронзовый крест из Херсонеса (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.) // Византийский временник. Т. 58. М., 1999. С. 165-171.
- 24 Логвин Г.Н., Тимошук Б.А. Белокаменный храм XII века в Василёве // Памятники культуры. Т. 3. М., 1961. С. 43. Рис. 5.
- 25 Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X – XIV вв.) // САИ. Вып. Е 1-57. М., 1966. Кат. 59, 60.
- 26 Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 36-38. Рис. 11.
- 27 Majeska C.P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984. P. 151.

Ил. 1. Иисусов крест из Никольского погоста. Около 1467 г. Годеново, церковь св. Иоанна Златоуста.

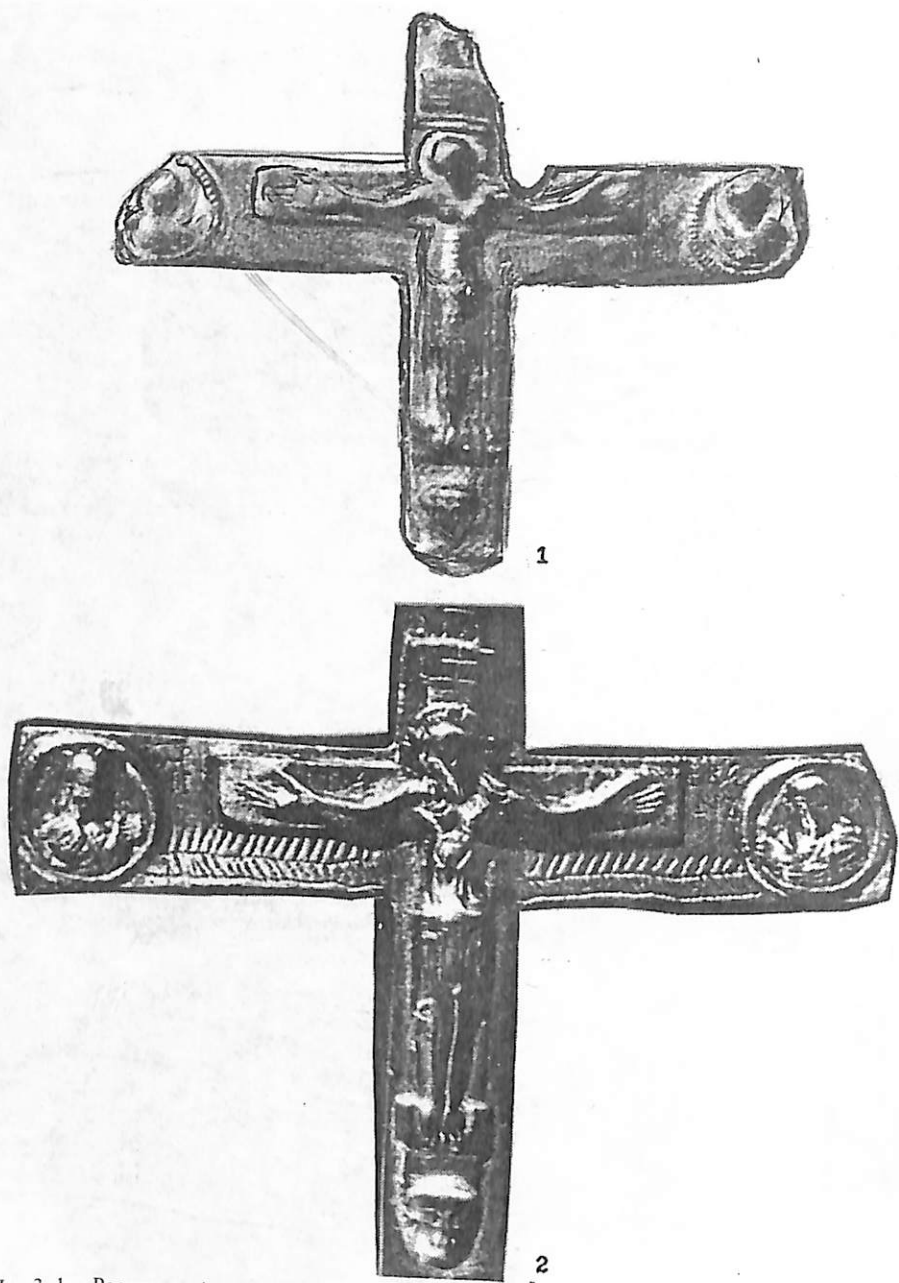

1

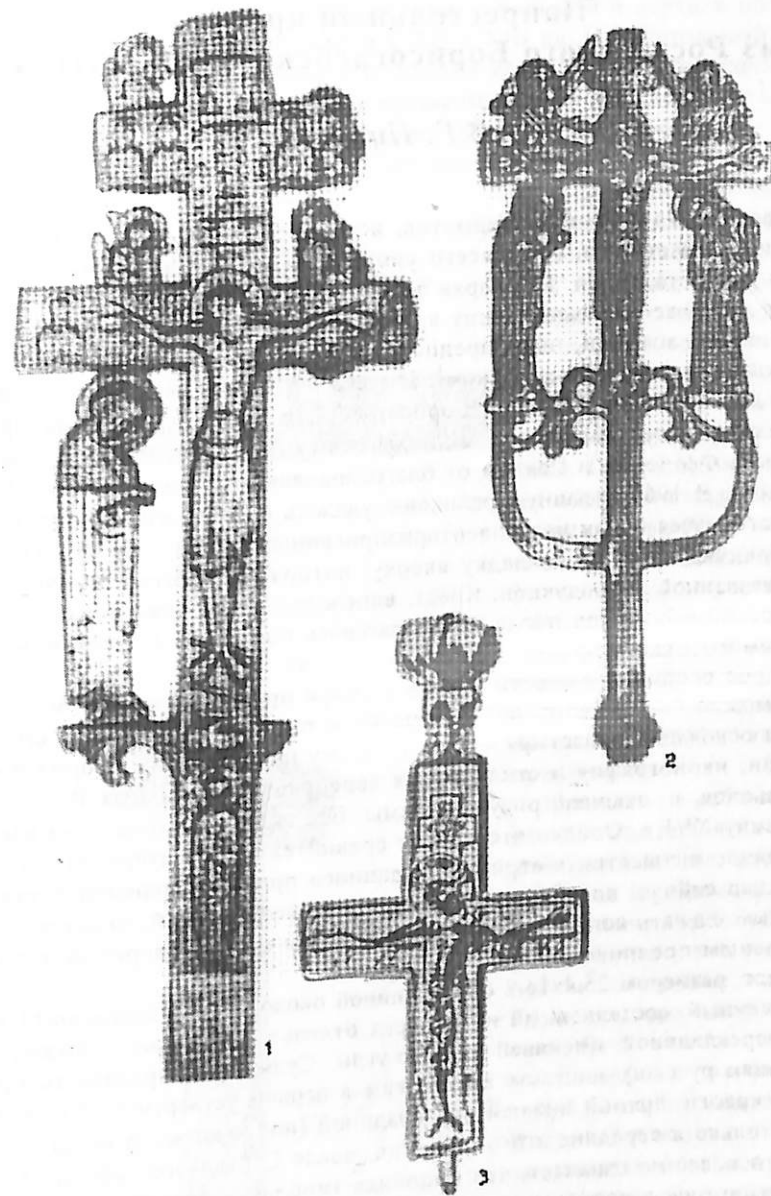

2

Ил. 2. 1 - Каменный крест из Воскресенского собора в Романове-Борисоглебске. Около 1500 г. Ярославль, Художественный музей.
2 - Распятие. Около середины XII в. Задар, монастырь св. Франциска.

Ил. 3. 1 - Распятие, фрагмент креста, найденный при раскопках церкви Спаса в Галиче. Около 1200 г.
2 - Распятие, фрагмент креста преп. Авраамия Ростовского. XIV в. Ростов, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».

Ил. 4. 1 - Киотный крест из Херсонеса. Около 1200 г. Севастополь, Херсонский государственный историко-археологический заповедник.
2 - Выносной крест из Василёва. Первая половина XIII в. Черновцы, Краеведческий музей.
3 - Крест-энколпион из Поднепровья. Начало XIII в. Чернигов, исторический музей.